

**Smolkova I.V., Vilkova T.Y., Maziuk R.V.,
Nasonov S.A., Nichiporenko A.A.***

УДК 343.11; 343.131

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(3).387-395

**PROSPECTS OF IMPROVING THE MECHANISM OF JUDICIAL
PROTECTION IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: ISSUES OF
THEORY AND PRACTICE**

Abstract: Evaluation of the trends of judicial protection's development in accordance with constitutional and international legal standards is carried out through the prism of analyzing draft laws regulating court procedures and the reform of Russian court system. The author argue that it is not acceptable to limit the right to judicial appeal against the actions (inaction) and decisions of the preliminary investigation bodies and the prosecutor by introducing the obligatory preliminary examination of such complaints by the head of the investigation agency or the prosecutor according to the procedure set by Art. 124 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. They also criticize the draft law according to which only the introduction and the resolution of the verdict are pronounced on all the criminal cases: if made into law, this will greatly limit the

---

* **Smolkova, Iraida V.** - Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: smolkovaiv@mail.ru.

Vilkova, Tatyana Y. - Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: tvilkova@yandex.ru.

Maziuk, Roman V. - Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: marova@mail.ru.

Nasonov, Sergey A. - Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sergei-nasonov@yandex.ru.

Nichiporenko, Alexander A. - Ph.D. student, Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow e-mail: alnichiporenko@yandex.ru.

transparency of criminal court procedures and the right of the accused and their defense attorney to appeal the verdict. The authors identify the faults in the draft law aimed at simplifying the procedure of examining the appeals (petitions) against interim solutions because the elimination of the court investigation will limit the implementation of the adversarial principle at the stage the court of appeal's proceedings. It is shown that the current reform of procedures of a jury trial is aimed at strengthening and improving the judicial protection mechanism. The authors summarize the conclusions of contemporary research that although some parameters of the jury's efficiency could vary depending of the number of the jurors, in general, a smaller or a greater number of jurors does not have a decisive impact on the quality of the verdict. They show the positive prospects of giving the Head of the Supreme Court of the Russian Federation the right to initiate the supervisory proceedings for criminal cases and of including in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the right of the RF Commissioner for Human Rights to submit cassation and supervision petitions. The analysis of draft laws allows the authors to evaluate the trends for improving the mechanism of court protection in the criminal court procedures of the Russian Federation in each of the two «dimensions» of judicial protection — the institutional and the functional one.

Keywords: judicial protection; right to appeal; trial by jury; verdict announcement; transparency; appeal proceedings; Chief Justice of the Supreme Court of the Russian Federation; High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.

Судебная защита представляет собой механизм обеспечения гарантий прав и свобод человека и гражданина, установленный государством через систему специализированных государственных органов - судов [1, с. 149]. М.В. Беляев в этой связи справедливо отмечает, что важнейшим направлением современной правовой политики и идеологии является

повышение роли суда в правовой системе общества, укрепление судебной власти, усиление авторитета и независимости суда [2, с. 40]. При этом суды и их деятельность должны соответствовать определенным конституционно-правовым и международно-правовым стандартам.

Представляется, что вопрос о концептуальных направлениях совершенствования механизма судебной защиты в российском уголовном судопроизводстве необходимо рассматривать применительно к двум самостоятельным «измерениям» (аспектам) судебной защиты - институциональному и функциональному. Перспективы развития механизмов судебной защиты в обоих аспектах наиболее отчетливо проявляются в законопроектах, направленных на дальнейшее реформирование национальной судебной системы и уголовного судопроизводства.

Институциональное «измерение» проявляется в том, что судебная защита осуществляется компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Например, Верховным Судом РФ был разработан законопроект¹, которым предлагалось установить такой процессуальный порядок судебного обжалования действий (бездействия) и решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, при котором жалоба могла быть подана в суд только после ее рассмотрения руководителем следственного органа или прокурором в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ, в срок не более десяти суток со дня, когда заявителем получено уведомление о полном или частичном отказе в ее удовлетворении.

---

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 апр. 2017 г. № 13 // СПС «КонсультантПлюс».

Анализ данного законопроекта позволяет сделать вывод, что предлагаемые новеллы существенно снизят эффективность судебной защиты прав и законных интересов заявителей по следующим причинам.

Во-первых, предлагаемый механизм прелиминарного (предварительного, предшествующего) рассмотрения и разрешения жалобы прокурором или руководителем следственного органа, на наш взгляд, будет *дисфункциональным*, поскольку он не обеспечит достижение тех целей, которые декларируются авторами рассматриваемого законопроекта. Этот вывод обусловлен нетождественностью критериев приемлемости жалоб, подаваемых в суд (в порядке ст. 125 УПК РФ), и во внесудебном порядке (ст. 124 УПК РФ). Такие последствия, как *причинение ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства* либо *затруднение доступа граждан к правосудию* обжалуемым действием (бездействием) или решением, не являются обязательными условиями рассмотрения жалобы, подаваемой во внесудебном порядке. Именно поэтому данные правовые признаки обжалуемого действия (бездействия) или решения не станут предметом автономной проверки в ходе рассмотрения жалобы прокурором или руководителем следственного органа, поскольку они юридически незначимы ни в качестве критерия приемлемости поданной жалобы, ни как обязательное условие ее разрешения. Однако в рассматриваемом законопроекте назначение обязательного прелиминарного внесудебного порядка обжалования состоит в создании механизма предварительной проверки именно этих признаков, для того чтобы исключить направление в суд неприемлемых жалоб. Очевидно, что данная новация не обеспечит достижения этого назначения.

Во-вторых, предлагаемый прелиминарный внесудебный порядок обжалования не предотвратит негативное явление практики, отмеченное в пояснительной записке к законопроекту, состоящее в одновременном направлении заявителями множества жалоб в суд и прокурору

(руководителю следственного органа), поскольку законодательно воздействовать на намерение заявителя обратиться к тем или иным средствам правовой защиты не представляется возможным.

В-третьих, новация вряд ли приведет к ликвидации «параллелизма» в судебном и внесудебном рассмотрении жалоб, поскольку предлагаемый законопроектом порядок не исключает возможности повторного обращения прокурора или руководителя следственного органа к проверке действия (бездействия) или решения, указанного в ранее отклоненной жалобе, вследствие инициативной реализации ими своих надзорных или контрольных полномочий в уголовном судопроизводстве. В итоге обжалуемое решение может быть отменено ими (а действие или бездействие признано незаконным) в период рассмотрения тождественной по содержанию жалобы в суде, что часто происходит и в современной практике.

Наконец, установление последовательного, «ступенчатого» порядка обжалования в досудебном производстве приведет к утрате роли существующей процедуры обжалования в соответствии со ст. 123–125 УПК РФ как средства обеспечения разумного срока уголовного судопроизводства [3, с. 24].

Введение обязательного прелиминарного внесудебного порядка обжалования, при котором жалоба подается в суд только после рассмотрения или прокурором, или руководителем следственного органа в порядке, установленном ст. 124 УПК РФ, может привести к существенному ограничению права участников уголовного судопроизводства на судебную защиту, гарантированного ст. 46 Конституции РФ.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 13 ноября 1995 г. № 13-П подчеркнул, что право граждан на судебную защиту *не может быть ограничено ни при каких условиях* (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ)².

---

² Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4551.

В постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П Конституционный Суд РФ отметил, что введение обязательного внесудебного порядка обжалования для защиты отдельных прав обвиняемого является *антиконституционным*: «Если соответствующие действия и решения органов расследования не только затрагивают собственно уголовно-процессуальные отношения, но и порождают последствия, выходящие за их рамки, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности, отложение проверки законности и обоснованности таких действий до стадии судебного разбирательства может причинить ущерб, возмещение которого в дальнейшем окажется неосуществимым. В этих случаях контроль за действиями и решениями органов предварительного расследования со стороны суда, имеющий место лишь при рассмотрении им уголовного дела, т.е. на следующем этапе производства, не является эффективным средством восстановления нарушенных прав, и поэтому заинтересованным лицам *должна быть обеспечена возможность незамедлительного обращения в ходе расследования с жалобой в суд*»³.

Таким образом, предлагаемые в законопроекте новеллы лишают значительный круг участников уголовного судопроизводства (обвиняемого (подозреваемого), защитника, потерпевшего, его представителя и т.д.) права на непосредственную подачу жалобы в суд на действия (бездействие) или решения органов и лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, причиняющие *ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняющие доступ граждан к правосудию*, без задействования механизма прелиминарного внесудебного обжалования, что, на наш взгляд, является прямым нарушением их права на судебную защиту и выходит за рамки допустимых ограничений конституционных прав в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

---

³ Там же. 1999. № 14. Ст. 1749.

Указанные поправки способны непреодолимо блокировать реализацию указанными участниками уголовного судопроизводства права на судебную защиту. В том случае если прокурор или руководитель следственного органа, нарушая ст. 124 УПК РФ, не рассмотрят поданную жалобу в установленный срок (например, необоснованно возвратят ее заявителю) либо рассмотрят ее без вынесения требуемого законом постановления, участник судопроизводства, подавший такую жалобу, полностью лишается права на судебную защиту. Он лишается даже возможности обжаловать в суд указанное бездействие прокурора или руководителя следственного органа, поскольку не сможет приложить к своей жалобе постановления, вынесенного в порядке ст. 124 УПК РФ.

Другим побочным эффектом введения обязательного прелиминарного внесудебного порядка обжалования станет неминуемое увеличение срока между моментом нарушения конституционных прав и свобод либо ограничения доступа к правосудию участников уголовного судопроизводства и моментом судебного рассмотрения жалобы на эти нарушения. В свою очередь, этот эффект может вызвать два негативных последствия: во-первых, невозможность ущерба от указанных нарушений, что делает неэффективным дальнейшее обжалование; во-вторых, полную потерю заявителем возможности реализовать свое право на судебное обжалование в связи с окончанием предварительного расследования по делу.

Такой вывод обусловлен разъяснением, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 10 февраля 2009 г. № 1 (в ред. от 29 ноября 2016 г.): «Если будет установлено, что уголовное дело, по которому поступила жалоба, направлено в суд для рассмотрения по существу... судья... выносит постановление *об отказе в принятии жалобы к рассмотрению или о прекращении производства по жалобе* в связи с тем, что предварительное

расследование по уголовному делу окончено и уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу.

Одновременно с этим заявителю разъясняется, что вопросы о признании незаконными или необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц на стадии досудебного производства он вправе поставить перед судом в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, а также при рассмотрении дела судом апелляционной или кассационной инстанций».

Рассмотрение указанного законопроекта было отложено на неопределенное время, однако сам факт его появления свидетельствует о негативной тенденции в законотворческой деятельности применительно к совершенствованию механизмов судебной защиты в уголовном судопроизводстве. Равным образом трудно согласиться с предложением С.Б. Россинского об отказе от предварительного судебного контроля за производством следственных действий [4; 5; 6, с. 129]: высокий процент удовлетворения судом ходатайств органов предварительного расследования сам по себе еще не свидетельствует о неэффективности этого правового института (что вовсе не исключает необходимость анализа причин указанного явления), а затрачиваемые на его применение ресурсы оправдываются концептуальной значимостью судебной защиты прав и свобод личности.

Противоположным *примером законодательного регулирования в направлении усиления и усовершенствования механизма судебной защиты* является проводимая в настоящее время реформа производства в суде с участием присяжных.

С 1 июня 2018 г. присяжные заседатели будут принимать участие в рассмотрении отдельных категорий уголовных дел в районном, гарнизонном военном суде в составе коллегии из шести человек, а также в рассмотрении дел в верховном суде республики, краевом или областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа,

окружном (флотском) военном суде в составе коллегии из восьми присяжных заседателей⁴.

На наш взгляд, расширение производства в суде присяжных относится именно к усовершенствованию механизма судебной защиты вследствие целого комплекса факторов, выступающих предпосылками этого эффекта.

Во-первых, расширение участия представителей общества в отправлении правосудия обеспечит большую легитимность судебной власти.

Л.А. Воскобитова, указывая, что легитимность судебной власти определяется уровнем доверия к ней в обществе в целом и в судебном процессе в частности, справедливо подчеркивает, что это доверие должно проявляться не только со стороны государства и субъектов правоотношений, но и со стороны граждан [7, с. 113; 8, с. 236]. Очевидно, что привлечение самих граждан к участию в отправлении правосудия является фактором, гарантирующим реализацию этого аспекта легитимности судебной власти.

Во-вторых, расширение участия народного элемента в уголовном правосудии обеспечит большие гарантии независимости профессиональных судей. А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский верно подчеркивают, что участие в составе суда шеффенов либо присяжных заседателей является гарантией независимости суда в уголовном судопроизводстве [9, с. 95].

В-третьих, участие представителей народа в большем числе случаев усилит общественный контроль за правосудием.

В-четвертых, формирование жюри из лиц, не имевших до этого опыта профессиональной судейской деятельности, минимизирует саму возможность проявления обвинительного уклона, профессиональных стереотипов в принятии решений.

---

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» : федер. Закон от 23 июня 2016 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26, ч. 1. Ст. 3878.

Наконец, суд с участием гражданских представителей — единственный суд, важнейшим условием законности состава которого является допуск сторон к участию в его формировании.

Таким образом, расширение участия представителей общества в отправлении правосудия достаточно весомо усилит институциональный аспект («измерение») судебной защиты.

Необходимо отметить, что сокращение числа присяжных наряду с расширением компетенции этого состава суда не является негативным фактором: в современных исследованиях отмечается, что хотя отдельные параметры эффективности деятельности коллегии присяжных заседателей могут меняться в зависимости от численного состава последних [10-12], однако в целом меньшее или большее число присяжных не оказывает решающего влияния на качество вердикта [13], в отличие от качественных характеристик коллегии, обусловленных как демографическими характеристиками народных представителей (пол, раса, возраст, сексуальная ориентация и др. [14]), так и их личными установками [15; 16]. Повышение эффективности деятельности присяжных заседателей связывается с совершенствованием процесса доказывания и порядка постановления вердикта [17].

Функциональное «измерение» судебной защиты проявляется в справедливом и публичном разбирательстве дела в разумный срок. Именно на обеспечение указанных ценностей должно быть направлено дальнейшее развитие законодательного регулирования производства в судебных стадиях.

Представляется, что этой задаче не соответствует законопроект, предусматривающий по всем уголовным делам *оглашение только вводной и резолютивной части приговора*⁵.

---

⁵ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 апр. 2017 г. № 13.

Указанный законопроект содержит положения, существенно ограничивающие действие международно-правовой и конституционной

гарантии защиты прав человека и гражданина, значимого инструмента общественного контроля над правосудием - гласности уголовного судопроизводства.

Обеспечение транспарентности и доступности правосудия, повышение уровня легитимности судебной власти — важнейшие задачи, стоящие перед государством и обществом. Судебное решение не только должно быть истинным по своей сути, но и должно восприниматься обществом в качестве такового. Отмена обязательности провозглашения описательно-мотивировочной части приговоров повлечет невозможность восприятия степени их обоснованности обществом, что неизбежно вызовет недоверие к этим актам правосудия, негативно скажется на реализации уголовно-процессуальной политики государства.

Новый порядок провозглашения приговора противоречит и международным стандартам уголовного судопроизводства, предусматривающим публичное объявление любого судебного постановления (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

Европейский суд по правам человека в своих решениях неоднократно подчеркивал, что положение о публичном провозглашении решений не будет нарушено, если полный текст этого решения, находящийся в канцелярии суда, является доступным любому лицу, или если указанное решение было полностью провозглашено в открытом судебном заседании по итогам открытых судебных слушаний, или если заинтересованное лицо может получить полный текст решения суда, при этом наиболее значимые судебные решения публикуются в официальных изданиях.

Из решений Европейского суда следует, что публичное провозглашение судебных решений обеспечивает общественный контроль за деятельностью судов. Судьи как представители государственной власти обязаны информировать представителей общества, не участвующих в судебных процессах, о мотивах и сути принятого ими решения в такой форме, в которой публика сможет это понять. Государство же обязано определить правила доступа к информации о судебных решениях, обеспечивающие возможность ознакомления с ними гражданам, не участвующим в судебном споре, но имеющим законный интерес к этому. При этом если нормативно допускается оглашение неполного текста решения, государство в законодательстве должно предусмотреть альтернативные формы доведения решений судов до общества [18, с. 192].

Действующим российским законодательством какие-либо альтернативные формы доведения полного текста решений судов до представителей общества, не являющихся участниками судебного разбирательства, не предусмотрены. В ч. 1, 3, 4 ст. 15 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (в ред. от 29 июля 2017 г.)⁶ закреплены положения о размещении текстов приговоров в сети Интернет, но только после вступления их в законную силу и с рядом существенных (содержательных) изъятий.

Таким образом, законодательное воплощение идеи рассматриваемого законопроекта приведет, на наш взгляд, к тому, что общество лишится возможности своевременного контроля мотивировки приговоров суда вплоть до вступления их в законную силу. Но и после этого возникнет возможность ознакомления лишь с содержательно сокращенным текстом приговора, вступившего в законную силу. Вряд ли такой порядок соответствует

---

⁶ Собрание законодательства РФ. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6217.

приведенным выше международно-правовым стандартам гласности судебного разбирательства.

Согласно ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ, апелляционная жалоба на приговор или иное решение суда первой инстанции может быть подана в течение десяти суток со дня постановления приговора или вынесения иного решения суда, а осужденным, содержащимся под стражей, - в тот же срок со дня вручения ему копии приговора, определения, постановления. Увязывая исчисление срока обжалования приговора с моментом его провозглашения, законодатель исходит из того, что путем оглашения текста приговора стороны и иные заинтересованные лица получают необходимую для оценки законности, обоснованности и справедливости принятого судом решения информацию, что обеспечивается лишь при условии постановления и провозглашения приговора в судебном заседании в полном объеме.

До ознакомления с полным текстом приговора стороны лишаются возможности подготовить апелляционные жалобы согласно требованиям, сформулированным в ст. 389.6 УПК РФ, в силу которой апелляционная жалоба должна, в частности, содержать доводы с указанием оснований, предусмотренных ст. 389.15 УПК РФ. Несоответствие же апелляционных жалоб предъявляемым требованиям препятствует рассмотрению уголовного дела и влечет возвращение судьей жалобы, представления подавшему их лицу [19].

Необоснованная редукция уголовно-процессуальной формы, выражающаяся в том числе в подобных изъятиях из нее, способна затруднить выполнение уголовным судопроизводством стоящих перед ним задач. Сопровождающие публичное провозглашение приговора проблемы (например, затраты времени, утомительность для председательствующего и публики и т.д.), на наш взгляд, должны решаться конструктивными способами, а не путем радикального умаления гласности в уголовном судопроизводстве.

Аналогичной отрицательной оценки заслуживает, по нашему мнению, и другой законопроект, в котором предлагается существенное упрощение процедуры апелляционного производства. Законопроект предполагает введение двух режимов рассмотрения апелляционных жалоб (представлений) на промежуточные решения: рассмотрение апелляционной жалобы (представления) *без проведения судебного заседания* (по аналогии с порядком назначения судебного заседания в апелляции - ч. 1-3 ст. 389.11 УПК РФ) и упрощенную процедуру рассмотрения апелляционных жалоб и представлений на иные промежуточные решения. Предлагается исключить судебное следствие, прения сторон и последнее (заключительное) слово.

Отрицательная оценка законопроекта обусловлена тем, что его положения существенно деформируют состязательный режим апелляционного производства, лишают стороны возможности полноценно оспорить доводы апелляционной жалобы или представления, представить новые доказательства в обоснование своих доводов.

В решениях Европейского суда по правам человека неоднократно отмечалось, что природа состязательного уголовного процесса предполагает возможность сторон знать и комментировать доводы и доказательства друг друга⁷.

В случае ликвидации судебного следствия, что исключит как повторное исследование сторонами и судом имеющихся в производстве доказательств, так и представление новых, эта возможность будет утрачена, что приведет к радикальному ограничению состязательности апелляционного производства.

Положительным *примером законодательного регулирования в направлении усиления и усовершенствования механизма судебной защиты в проверочных производствах* является предложение о наделении председателя

---

⁷ Дело «Прошкин (Proshkin) против России» (жалоба № 2886 9/03) : постановление Европ. суда по правам человека от 7 февр. 2012 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 11.

Верховного Суда РФ правом инициирования надзорного производства по уголовным делам⁸.

Представляется, что для защиты публичного интереса (т.е. интереса личности, государства, общества, выраженного через назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ)), с учетом того что рассмотрение дела Президиумом Верховного Суда РФ является последней, завершающей инстанцией, правомочной исправить судебную ошибку (исключение составляет лишь производство, предусмотренное гл. 49 УПК РФ), председателя Верховного Суда РФ, его заместителя следует наделить правом вносить в Президиум Верховного Суда РФ представление о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора по любому уголовному делу, по которому имеются вступившие в законную силу судебные решения, независимо от наличия надзорных жалоб, представления, ходатайства.

Внесение такого представления председателем Верховного Суда РФ или его заместителем (по своей собственной инициативе либо по результатам рассмотрения обращений любых лиц, в том числе не являющихся участниками уголовного судопроизводства) в Президиум Верховного Суда РФ должно стать дополнительным средством защиты публичного интереса в данной исключительной стадии (не конкурирующим с уже имеющимися, не ограничивающим право сторон и других правомочных лиц на принесение надзорных жалоб, представления, ходатайства).

Нельзя согласиться с мнением о том, что такое право «будет являться значительным «шагом назад» в процессе реформирования проверочных производств» [20, с. 261] в уголовном судопроизводстве, поскольку в силу презумпции невиновности данное право будет использоваться председателем Верховного Суда РФ или его заместителем только в интересах улучшения

---

⁸ О внесении изменений в статью 412-5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект федер. закона № 1103087-6. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=1103087-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=1103087-6).

положения осужденного, оправданного или лица, дело в отношении которого прекращено, но не ухудшения.

Кроме того, заслуживают поддержки предложения о закреплении в УПК РФ права Уполномоченного по правам человека в РФ заявлять кассационное и надзорное ходатайство в интересах участников как со стороны защиты, так и со стороны обвинения [21; 22].

Таким образом, дальнейшее развитие законодательного регулирования механизмов судебной защиты в уголовном судопроизводстве должно осуществляться в соответствии с конституционно-правовыми и международно-правовыми стандартами применительно к каждому из двух «измерений» судебной защиты - институциональному и функциональному.

REFERENCES

1. Smirnova I.G. About social role of the European Court of Human Rights in criminal proceedings. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2011, no. 5 (79), pp. 149–153. (In Russian).
2. Belyaev M.V. Judicial Solutions in the Criminal Process and their Signs. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, iss. 3, pp. 36–43. (In Russian).
3. Kachalova O.V. Means of Protecting the Right to a Reasonable Time in the Proceedings of Perfect Production of Criminal Cases. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, iss. 3, pp. 23–29. (In Russian).
4. Rossinskii S.B. Do we need preliminary judicial supervision over investigation activities in a dwelling? *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2009, no. 8, pp. 15–22. (In Russian).

5. Rossinskii S.B. Do we need preliminary judicial supervision over investigation activities in a dwelling? *Rossiiskii sudya =Russian Judge*, 2009, no. 9, pp. 19–23. (In Russian).
6. Rossinskii S.B. *Mekhanizm formirovaniya rezul'tatov «neverbal'nykh» sledstvennykh i sudebnykh deistvii v ugovnom sudoproizvodstve* [The Mechanism of Forming the Results of «Non-Verbal» Investigation and Court Activities in Criminal Court Procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 209 p.
7. Voskobitova L.A. *Sushchnostnye kharakteristiki sudebnoi vlasti* [Essential Characteristics of Court Power]. Stavropol, Servisshkola Publ., 2003. 159 p.
8. Voskobitova L.A. *Teoreticheskie osnovy sudebnoi vlasti* [The Theoretical Basis of Court Power]. Moscow, Norma Publ., 2017. 287 p.
9. Smirnov A.V., Kalinovskii K.B.; Smirnov A.V. (ed.). *Ugovnyi protsess* [Criminal Procedure]. 7th ed. Moscow, Norma Publ., 2017. 751 p.
10. King K.A., Nesbit T.M. The empirical estimation of the cost-minimizing jury size and voting rule in civil trials. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 2009, vol. 71, iss. 2, pp. 463–472.
11. Sapir L. Generalized means of jurors' competencies and marginal changes of jury's size. *Mathematical Social Sciences*, 2005, vol. 50, iss. 1, pp. 83–101.
12. Waller B.M., Lorraine H., Burrowes N., Morrison E.R. Twelve (not so) angry men. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2011, vol. 14, iss. 6, pp. 835–843.
13. Guha B. Secret ballots and costly information gathering: The jury size problem revisited. *International Review of Law and Economics*, 2017. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0144818817300595>.
14. Gau J.M. A jury of whose peers? The impact of selection procedures on racial composition and the prevalence of majority white juries. *Journal of Crime and Justice*, 2016, no. 39 (1), pp. 75–87.

15. Jung S. Determining criminal responsibility: How relevant are insight and personal attitudes to mock jurors? *International Journal of Law and Psychiatry*, 2015, September — December, pp. 37–42.
16. Diamond S.S. The Cases for and against Blindfolding the Jury. In Robertson C.T., Kesselheim A.S. (eds.). *Blinding as a Solution to Bias: Strengthening biomedical science, Forensic science, and Law*. New York, Academic Press, 2016, pp. 265–276.
17. Alpern S., Chen B. The importance of voting order for jury decisions by sequential majority voting. *European Journal of Operational Research*, 2017, vol. 258, iss. 3, pp. 1072–1081.
18. Andrusenko S.P., Golovanova N.A., Gravina A.A., Kashepov V.P. *Mezhdunarodno-pravovye standarty v ugovnoyi yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [International Legal Standards in the Criminal Justice of the Russian Federation]. Moscow, Ankil Publ., 2013. 305 p.
19. Panokin A.M. Key basics of the law of appeal in the criminal process. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2017, no. 8, pp. 37–39. (In Russian).
20. Lyubchenko M.Ya. Decrees of the European Court of Human Rights as «soft law». *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of civil procedure*, 2017, no. 3, pp. 256–270. (In Russian).
21. Nichiporenko A.A. Commissioner for Human Rights in the Russian Federation as a Participant of Criminal Court Procedure. *Administrator suda = Court's Administrator*, 2016, no. 2, pp. 52–56. (In Russian).
22. Smolkova I.V. Is the human rights ombudsman in the Russian Federation a party to criminal proceedings? *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2017, vol. 3, no. 3 (69), pp. 30–37. (In Russian).